

УДК 821

DOI: 10.34670/AR.2022.15.88.014

История арабской национальной литературы: внешние влияния и обратный процесс арабизации

Зарытовская Виктория Николаевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10а;
e-mail: widaad@yandex.ru

Аль-Рахби Ахмед Мохаммед

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10а;
e-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru

Аннотация

В статье анализируется история арабской литературы с раннего Средневековья до наших дней с точки зрения внешнего влияния на нее художественных систем иных словесных культур и традиций. Подробно рассматриваются две волны, которые привели к заметным в ней трансформациям и дали стимул для дальнейшего развития: персидская, которая пришлась на эпоху Аббасидского халифата и существенно разнообразила темы и поэтические жанры, и европейская начала XX в., результатом которой стало стремительное освоение арабскими писателями жанра классического романа в европейском понимании и эстетики социального реализма, а затем приемов постмодернизма. Вместе с тем исследователи обращают внимание на то, что арабская литература всегда была самобытна благодаря тому материалу, который она отражала, и изображаемым типажам героев. С середины XX в. в ней начали усиливаться тенденции формальной «арабизации» – обращения к средневековому наследию и устному народному творчеству, а в последнее время – к фольклору.

Для цитирования в научных исследованиях

Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. История арабской национальной литературы: внешние влияния и обратный процесс арабизации // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 4А. С. 113-121. DOI: 10.34670/AR.2022.15.88.014

Ключевые слова

Арабская литература, персидское влияние, мугаддиды, социальный реализм, арабский постмодернизм, этнолитература.

Введение

Литература, безусловно, является частью национальной культуры в ее словесном выражении и произрастает на ее почве – традициях, верованиях, образе жизни народа и его исторической судьбе. Изначально национальная литература получает развитие по траектории, заданной внутренней логикой культуры, к которой принадлежит. Однако в определенные исторические периоды национальная литература неизбежным образом подвергается влиянию других художественных систем, что обуславливается межкультурными контактами. Эти изменения и нововведения, скорее, ее обогащают и придают стимул для дальнейшего развития: трансформируют привычную эстетику, меняют актуальную систему жанров, вводя новые, снимают или накладывают табу, ранжируют художественные приемы и методы, раскрывают ранее не затрагиваемые темы и др. В то же время та или иная литература сама не раз может стать «донором» для других национальных литературных традиций, участвуя таким образом в «динамическом разнонациональном целом». Отечественный литературовед И.Г. Неупокоева, описывая всемирную литературу, указывает на то, что в зависимости от «сходства... комплекса исторических условий» проявляется «сходство идейно-художественных структур» [Неупокоева, 1976, 155]. Арабская словесность в этом отношении не является исключением, что подтверждают многочисленные изыскания арабских литературоведов и отечественных востоковедов о следе арабской литературы в мировой культуре и о влиянии других культур на нее [Али-Заде, 2020; Al-Named, [www](#); Muqbil, [www](#)].

Основная часть

Глубина, характер и период влияния «извне» индивидуальны для каждой национальной культуры и должны рассматриваться через спектр исторических факторов, в числе которых могут быть образование огромного многонационального государства, подчинение метрополии с другим государственным языком, подъем патриотических настроений, рост переводов художественной, философской и другой литературы с того или иного иностранного языка, обучение национальной элиты за рубежом и др. Все эти факторы имели место быть в истории Арабского мира, и мы коснемся их в рамках данной статьи.

Наименьшее влияние зарубежной литературы по объективным историческим причинам (относительная географическая и культурная изоляция) арабская словесность испытывала до распространения ислама и так называемых исламских завоеваний – *futuuhaat* (по-арабски – открытий), будучи «заключенной» в границах Аравийского полуострова и бедуинской культуре. В произведениях этого периода отразились ранние представления арабов о мире и племенной уклад их жизни. Система жанров доисламской поэзии (заплачка (*ar-ritha'*), похвальба (*fakhr*), высмеивание (*al-hijaa'*), песня мести (*tha'ar*) и др.) служила цели говорить о роде, выступать от лица рода и защищать его честь: хранить и декламировать историю своего клана, восхвалять соплеменников, оплакивать умерших и поносить противников. При этом основными чертами этой поэзии, во многом архаичной, были сюжетная несвязность, политематическая композиция, отсутствие индивидуальности у героя, тесная связь с природой, «стихийный материализм», «эстетика привычного», свойственные живущим в пустыне бедуинам, и др. [Шидфар, 2016, 55-58].

Прощайся с Хурейрой! Заждался верблюд седока.
Тебе нелегко? Что поделать, разлука горька.

Непросто расстаться с красавицей густоволосой,
Чья поступь так вкрадчива и шелковиста щека.
Домой от соседки идет она плавной походкой,
Идет не спеша, словно облако в небе, легка.
Она повернется – и звонко стучат украшенья,
Как зерна фасоли в утробе сухого стручка [Аль-Аша, www].

Датируемые доисламскими веками (до второй половины VII в. н. э.) касиды Имрулькайса, Тарафы, Лябида, Зухейра, Антары, Амбра ибн Кульсума и Харисы ибн Хиллиды и др. явили собой образцы зрелой поэзии, признанные шедеврами мировой литературы. Академик И.Ю. Крачковский писал: «Эта, оказавшаяся такой могучей и жизненной, поэзия встает перед нами... в полной законченности и совершенстве одинаково со стороны языка, метрической формы, объема тем и композиционных приемов... Некоторые лингвисты не без основания видят в ней апогей семитского языкового творчества: при первом взгляде бросается в глаза колоссальный запас слов, разработанность форм, гибкость синтаксических оборотов» [Крачковский, 1956, т. 2, 247]. Все это свидетельствует о самобытности древней арабской литературы и высоком уровне ее развития уже на заре Средневековья.

Заметные трансформации в арабской литературе произошли с образованием централизованного государства (халифата) и под влиянием персидской культурной традиции во время правления Аббасидов (с середины VIII по XIII в.). В периодизациях арабской литературы это время не случайно выделяется в отдельный период и практически совпадает с общемусульманским классическим периодом по другим периодизациям, не использующим термин «аббасидский период». В таких периодизациях он следует за периодом, названным «чисто арабским» [Derwish, 2008, 5-6].

Аббасидский халифат со столицей в Багдаде стал практически империей, где большую часть населения составляли уже не арабы, а представители других народов, владевшие арабским языком как государственным, в первую очередь персы. Они воспринимали арабскую культуру и язык, но вместе с тем переносили на арабскую почву, прежде всего научную и литературную, плоды своего многовекового развития и словесного творчества уже не в виде отдельных лексических заимствований, прочно вошедших в арабский литературный язык (например, слова *waziir* – «везирь», *bariid* – «почта»), а в виде системных явлений – тем, мотивов, набора приемов и жанров. В период правления второй династии (Аббасидов) «исключительно сильное социальное давление на исламизированные группы неарабов» со стороны арабов, о котором говорят исследователи [Коротаев, Клименко, Пруссаков, 2007, 63] и которое было характерно для времен первой династии (Омейядов) уже закончилось.

В эпоху Аббасидов творили такие масштабные фигуры неарабского происхождения, как принадлежавший к знатному персидскому роду и поступивший на государственную службу к Аббасидам Ибн аль-Мукаффа (724-756 гг.), осуществивший перевод на арабский «Категорий» Аристотеля, «Книги государей» и басен «Калила и Димна», Абу Нувас (ум. в 813 г.) и др.

В это время развитие получает целая группа новых жанров поэзии и прозы – любовная и философская лирика (первая, вероятно, под влиянием персидской традиции, последняя – на фоне переводов древнегреческих философов и расцвета арабо-мусульманской философии), новеллы, народный роман, хвалебные оды (как придворная поэзия, которой раньше не было из-за отсутствия самого понятия «двор»), изящные газели. Появляются новые метры, «неожиданные» темы, в том числе запрещенные в исламе. Так, гедонизм и эпикурейство

породили застольные песни и охотничьи стихи, а также способствовали окончательному оформлению в отдельный жанр *хамрийят* – винной поэзии, которая с возобладавшими индивидуально-авторским началом, средствами фигуративной речи, художественным вымыслом отличалась от раннесредневековых арабских касыд [Осипова, 2007].

О, как прекрасна эта ночь и как благословенна!
Я пил с любимой моей, любви пил кубок пенный.
Я поцелуя лишь просил – она была щедрее,
От счастья я в ее отказ поверил бы скорее [Абу Нувас, www].

Столь же масштабному внешнему влиянию арабская литература подверглась после Первой мировой войны. Важно, что по ее результатам арабские страны получили независимость от Османской империи (с государственным турецким языком), национальные границы и ориентацию на Запад. С началом этого исторического этапа арабские просветители стали вдохновляться Французской буржуазной революцией и в целом мировым художественным наследием, распространение получили публицистика, сентиментальные жанры, а также социально-бытовая новелла. Все это знаменовало вхождение арабской литературы в новейший период своей истории, а его проводники стали именоваться «обновителями» – *мугаддидами* (термин, проникший и в русскоязычный научный дискурс). Ведущий отечественный востоковед-литературовед В.Н. Кирпиченко, глубоко исследовавшая историю литературы арабских стран, писала: «Поколение мугаддидов преклонялось перед западноевропейской и русской литературой романтизма и реализма потому, что эта литература несла в себе гуманистические идеалы и веру в человека» [Кирпиченко, 1999, www].

Ведущую роль в этом процессе сыграло поколение египетских литераторов и мыслителей, получивших образование во Франции и других западных странах и ставших проводниками европейских эстетических ценностей и литературных канонов. Среди них самым ярким, на наш взгляд, был Таха Хусейн (1889-1973 гг.) – первый лицензиат-египтянин Сорбонны, получивший степень доктора философии, переведший на арабский Софокла, Расина и Вольтера и прозванный «старейшиной арабской литературы». Тем не менее, будучи сторонником европеизации Египта, Таха Хусейн ратовал за изучение античного наследия, использование достижений техники, заимствование форм организации общественной жизни, но в то же время понимал самобытность национальной культуры, вдохновлялся доисламским Египтом и считал его частью средиземноморской цивилизации. Как отмечает В.Н. Кирпиченко, в то же время «археологические находки во многом способствовали пробуждению национального самосознания, дав ему историческую тысячелетнюю опору» [Кирпиченко, 1980, 13], и это нашло отражение в словесном творчестве с ярким национальным колоритом – романах о Древнем Египте лауреата Нобелевской премии по литературе Нагиба Махфуза «Игра судеб» (1939 г.), «Родобис» (1943 г.), «Борьба Фив» (1944 г.) и произведениях других авторов.

За первую половину прошлого века арабские авторы не просто освоили европейскую художественную схему реализма, в рамках которой творила целая плеяда мастеров слова: Юсуф Идрис, Ихсан Абд Аль-Куддус, Яхья Хакки, Абд ар-Рахман Шаркауи и др. Можно утверждать, что арабская литература достигла определенных высот социального реализма, о чем свидетельствует вручение Нагибу Махфузу Нобелевской премии по литературе (1988 г.) за «Каирскую трилогию» (1956-1957 гг.).

Так же стремительно писатели арабских стран вошли в постмодернизм, приемы которого –

интроспекция, чувственность, отмена авторской доминанты, эксперименты с хронотопом (местом и временем действия) – стали применять с 1960-х гг. такие признанные авторы, как Эдвар аль-Харрат (роман «Рама и Дракон» (1980 г.) занимает 8-ю строчку в списке 100 лучших арабских романов XX в.), Саналлах Ибрагим и др. Экспериментов с текстом, новых приемов, глубокого психологического анализа, отказа от авторской назидательности, оторванности от реальности как будто требовали социальные изменения и общественные настроения после 1967 г. – года поражения арабов в Шестидневной войне, когда в обществе возобладали пораженческие настроения.

Вместе с тем следование мировым литературным тенденциям вовсе не означало для арабских художников слова бездумного подражания. Реалистические произведения требовали отражать бытовые реальности, исторические события, социальные ситуации именно арабских стран, не говоря уже о типических характерах героев. Например, считающийся первым классическим в европейском понимании роман Мухаммеда Хусейна Хейкаля «Зейнаб» (1914 г.) раскрывал тему бесправия египетских феллахов, а в повести «Грех» (1959 г.) Юсуф Идрис вывел целый ряд характеров с ярко выраженными национальными чертами из различных слоев населения – крестьян, мелких чиновников, духовенства, интеллигенции. Все они по сюжету выражали свое отношение к согрешившей женщине – изнасилованной бедной крестьянке, которая родила и от страха придушила ребенка. В даже, казалось бы, лишенном национальных черт постмодернистском рассказе Э. аль-Харрата «Вокзал», кульминация которого – безумие растерявшегося на вокзале пассажира, который не нашел билета и не смог из-за этого пройти контроль и выбраться в город, сквозь «новую чувственность», декларируемую автором как новация [Al-Kharrat, 2002, 12-13], «пробиваются» узнаваемые для Египта реалии – запахи, шум, духота, предметы, образы и т. д.: «Из вагона в вагон ходил продавец арахиса, волоча за собой большую корзину с бумажными кулками. За ним тащился слепой шейх, продававший перечную мяту и переписанные от руки суры Корана. Бегали дети, успевшие устать и охрипнуть, но все еще предлагавшие пассажирам лимоны или кока-колу, гремели ведрами с водой и бутылками. Но в конце концов и их одолела усталость. Они свалились на деревянные скамьи...» [Аль-Харрат, 1978, 528-529].

Также нельзя не обратить внимание на то, что очень скоро появляется корпус литературных текстов, где Европа, пусть не напрямую, а метафорически, противопоставляется арабской идентичности (прежде всего роман «Возвращение духа» (1933 г.) Тауфика аль-Хакима и повесть «Светильник Умм Хашим» (1944 г.) Яхьи Хакки). Свою нишу занимает постколониальная литература, например рассказы певца суданской провинции ат-Тайба Салеха, в которых осмысливается столкновение двух цивилизаций, борьба старого и нового, косности и прогресса, традиций и либерализма. В самом известном его романе «Сезон паломничества на Север» (1966 г.), переведенном более чем на 20 языков, в том числе и на русский, поднимается экзистенциальная проблема поиска своего места в жизни представителем арабского мира, который оказался между двух культур.

Кроме того, постмодернизм как открытая художественная система не запрещает переключек с другими произведениями, эпохами, жанрами, наоборот, приветствует экспериментальность и создание особого дискурса. Поиск новых форм выражения на фоне массовой культуры и глобализации неизбежным образом приводит писателей арабских стран к обращению к прошлому собственного народа, использованию и переработке полузабытого средневекового наследия, устного народного творчества, которое начало было терять свою ценность:

«Исторические хроники, топографические описания земель... братские послания... суфийские трактаты и т. д. легко угадываются в структурах романов Гамала аль-Гитани» [Кирпиченко, 1999, www] – нашего современника, одного из самых читаемых египетских писателей второй половины XX в., автора романа-палимпсеста «Аз-Зейни Баракят» (1974 г.), в котором события разворачиваются в мамлюкский период, но читаются как критика существующей политической системы. «Хайри Шалаби прямо стилизует свой роман “Ловкачи” (“Аш-Шуттар”) под средневековую народную плутовскую сиру» [Там же], а Нагиб Махфуз пишет в средневековом жанре рихли (заметок путешественника) роман «Путешествие Ибн Фаттумы» (1983 г.), в котором имя главного героя перекликается с именем знаменитого путешественника XIV в. Ибн Батуты, а форма путевых заметок используется не для фиксации увиденных стран и народов, а для рефлексии над различными общественными формациями-утопиями и поиска себя [Зарытовская, 2010].

Заметными в последнее десятилетие становятся романы, которые можно отнести к этнолитературе. Такова работа оманской писательницы Джохи аль-Харти (р. в 1978 г.) «Небесные тела», получившая The Man Booker International Prize 2019. Книга не просто явила парадигму исторических, общественных, а вместе с ними и нравственных преобразований в этой стране Персидского залива за XX в. (голод в первую мировую войну, отмену рабовладения, нелегальную торговлю оружием, сопротивление в Дофаре в 1960-х гг. и др.), но также имела важную этническую составляющую – стереотипы, традиции, обряды, заклинания, языческие верования др. Оманская писательница Бушра Хальфан (р. в 1969 г.), автор исторического романа «Дильшад» (2021 г.), включенного в короткий список Арабского Букера в 2022 г., также вдохновляется фольклором [Alhinai, Alhinai, www].

Заключение

Арабская литература за свою историю как минимум дважды испытывала «тектоническое» влияние иных культурных традиций – в Средневековье персидской и в Новое время классической европейской. Именно эти две литературы, каждая в свое время и каждая, передавая те образцы форм и техник, которые были им присущи на тот момент, придали импульс развитию арабской литературы, встроившись в национальную культуру на местном материале. Траектория развития арабской литературы, несомненно, самым тесным образом связана, с одной стороны, со сложной историей арабского мира, а с другой – с тенденциями глобализации и доминирования европейских эстетических образцов. Тем не менее творчество арабских авторов не растворилось ни в одной из чужих культур. Более того, «догоняя» европейскую литературу в жанре реалистического романа и создавая произведения постмодернизма, в поиске новых форм они черпали вдохновение именно в национальной словесной культуре. Именно это позволило говорить об «арабизации» арабской литературы во второй половине прошлого века. Сегодня на примере роста числа произведений, которые можно отнести к этнолитературе, очевидно, что эта тенденция только укрепляется.

Библиография

1. Абу Нувас. О, как прекрасна эта ночь... URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st030.shtml>
2. Али-Заде Э.А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). М., 2020. 384 с.
3. Аль-Аша. Прощайся с Хурейрой!.. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st020.shtml>

4. Аль-Харрат. Вокзал // Избранные произведения писателей Ближнего Востока. М.: Прогресс, 1978. С. 528-533.
5. Зарытовская В.Н. Путешествие мусульманина по утопиям. «Rihlat ibn Fattouma» Нагиба Махфуза // Тезисы докладов II Международной научной конференции «Мир ислама: история, общество, культура». М., 2010. С. 420-426.
6. Кирпиченко В.Н. Об «арабских формах» арабского романа и о пище духовной // Россия – Восток – Запад. М., 1999. URL: <http://www.philology.ru/literature4/kirpichenko-99.htm>
7. Кирпиченко В.Н. Юсуф Идрис. М.: Наука, 1980. 207 с.
8. Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама. М., 2007. 112 с.
9. Крачковский И.Ю. Арабская поэзия. Избранные сочинения. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. Т. 2. 702 с.
10. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976. 357 с.
11. Осипова К.Т. Хамриййат («винные стихи») в средневековых арабских трактатах (VIII-X вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2007. № 2. С. 51-64.
12. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI-XII вв.). М.: Марджани, 2016. 322 с.
13. Al-Hamed T. The influence of other literatures on Arabic literature. Riyadh: King Saud University. URL: https://www.alukah.net/literature_language/0/79178/الأدب-العربي-بالأدب-الأخرى.pdf/
14. Al-Kharrat. Novel and modernity. Cairo: Marlkaz al-Hadarah, 2002.
15. Alhinai M., Alhinai S. How Oman's history inspires its novelists. URL: <https://www.mei.edu/publications/how-omans-history-inspires-its-novelists>
16. Derwish A. An introduction to modern Arabic literature. Cairo: Dar Al-Maarif, 2008. 199 p.
17. Muqbil F. Westernization and its impact on modern Arabic literature. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://uop.edu.jo/download/Research/members/306_723_Fahm.pdf&ved=2ahUKEwjqq52bttD5AhUolosKHS5_BMoQ6sMDegQIAxAB&usg=AOvVaw0XNF2bPCgtoGHn0mvq1wdR

The history of Arabic national literature: external influences and the reverse process of Arabization

Viktoriya N. Zarytovskaya

PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of foreign languages,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 10a Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: widaad@yandex.ru

Ahmed M. Al-Rahbi

PhD in Philology,
Senior Lecturer at the Department of foreign languages,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 10a Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the history of Arabic literature from the Early Middle Ages to the present day from the perspective of the external influence of artistic systems of other verbal cultures and traditions on it. It makes an attempt to consider in detail two waves, which led to noticeable transformations in it and provided an incentive for further development – the Persian one, which fell on the era of the Abbasid Caliphate and significantly diversified themes and poetic

genres, and the European one at the beginning of the 20th century, which resulted in the rapid development of the classical genre by Arab writers, their novels in the European sense and the aesthetics of social realism, and then the techniques of postmodernism. Having studied the history of Arabic national literature with due regard to a number of external influences and the reverse process of Arabization, the authors of the article come to the conclusion that Arabic literature has always been original due to the material being reflected and the characters being portrayed, and the trend of formal "Arabization" by appealing to the medieval heritage and oral folk art has been intensifying since the middle of the 20th century.

For citation

Zarytovskaya V.N., Al-Rahbi A.M. (2022) *Istoriya arabskoi natsional'noi literatury: vneshnie vliyaniya i obratnyi protsess arabizatsii* [The history of Arabic national literature: external influences and the reverse process of Arabization]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (4A), pp. 113-121. DOI: 10.34670/AR.2022.15.88.014

Keywords

Arabic literature, Persian influence, Muqaddids, social realism, Arabic postmodernism, ethno-literature.

References

1. Abu Nuwas. *O, kak prekrasna eta noch'...* [Oh, how beautiful this night is...] Available at: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st030.shtml> [Accessed 22/07/22].
2. Al-Asha. *Proshchaisya s Khureiroi!*. [Farewell to Hureyra!] Available at: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st020.shtml> [Accessed 22/07/22].
3. Al-Hamed T. *The influence of other literatures on Arabic literature*. Riyadh: King Saud University. Available at: https://www.alukah.net/literature_language/0/79178/الأدب-العربي-بالآداب-الأخرى-pdf/ [Accessed 22/07/22].
4. Al-Kharrat (2002) *Novel and modernity*. Cairo: Marlkaz al-Hadarah.
5. Al-Kharrat (1978) *Vokzal* [The railway station]. In: *Izbrannye proizvedeniya pisatelei Blizhnego Vostoka* [Selected works by Middle Eastern writers]. Moscow: Progress Publ., pp. 528-533.
6. Alhinai M., Alhinai S. *How Oman's history inspires its novelists*. Available at: <https://www.mei.edu/publications/how-omans-history-inspires-its-novelists> [Accessed 22/07/22].
7. Ali-Zade E.A. (2020) *Russkaya literatura i arabskii mir (k istorii arabo-russkikh literaturnykh svyazei)* [Russian literature and the Arab world (on the history of Arabic-Russian literary relations)]. Moscow.
8. Derwish A. (2008) *An introduction to modern Arabic literature*. Cairo: Dar Al-Maarif.
9. Kirpichenko V.N. (1999) *Ob "arabskikh formakh" arabskogo romana i o pishche dukhovnoi* [On the "Arabic forms" of the Arabic novel and on spiritual food]. In: *Rossiya – Vostok – Zapad* [Russia – the East – the West]. Moscow. Available at: <http://www.philology.ru/literature4/kirpichenko-99.htm> [Accessed 22/07/22].
10. Kirpichenko V.N. (1980) *Yusuf Idris*. Moscow: Nauka Publ.
11. Korotaev A.V., Klimenko V.V., Prussakov D.B. (2007) *Vozniknovenie islama* [The rise of Islam]. Moscow.
12. Krachkovskii I.Yu. (1956) *Arabskaya poeziya. Izbrannye sochineniya* [Arabic poetry. Selected works], Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
13. Muqbil F. *Westernization and its impact on modern Arabic literature*. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://uop.edu.jo/download/Research/members/306_723_Fahm.pdf&ved=2ahUKEwjqqS2btD5AhUolosKHS5_BMoQ6sMDegQIAxAB&usg=AOvVaw0XNF2bPCgtoGHn0mvq1wdR [Accessed 22/07/22].
14. Neupokoeva I.G. (1976) *Istoriya vseмирnoi literatury. Problemy sistemnogo i sravnitel'nogo analiza* [The history of world literature. The problems of systemic and comparative analysis]. Moscow.
15. Osipova K.T. (2007) *Khamriyat ("vinnye stikhi") v srednevekovykh arabskikh traktatakh (VIII-X vv.)* [Khamriyat ("wine poems") in medieval Arabic treatises (from the 8th to 10th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie* [Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental studies], 2, pp. 51-64.
16. Shidfar B.Ya. (2016) *Obraznaya sistema arabskoi klassicheskoi literatury (VI-XII vv.)* [The image system of Arabic classical literature (from the 6th to 12th centuries)]. Moscow: Mardzhani Publ.

-
17. Zarytovskaya V.N. (2010) Puteshestvie musul'manina po utopiyam. "Rihlat ibn Fattouma" Nagiba Makhfuza [A Muslim's journey through utopias. *Rihlat ibn Fattouma* by Naguib Mahfouz]. *Tezisy dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Mir islama: istoriya, obshchestvo, kul'tura"* [Proc. 2nd Int. Conf. "World of Islam: history, society, culture"]. Moscow, pp. 420-426.